

ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ

Е. Л. Капустина

ПИЩЕВЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В ЖИЗНИ МИГРАНТА: СПЕЦИФИКА МИГРАЦИИ МЕЖДУ ДАГЕСТАНОМ И ГОРОДАМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

АННОТАЦИЯ. Цель статьи — изучение практики пищевых трансфертов, циркулирующих по мигрантским сетям выходцев из Дагестана, работающих в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Исследование стало продолжением изучения различных аспектов жизни дагестанских мигрантов в арктическом и субарктическом регионах Западной Сибири, которое проводится автором с 2014 г. Рассматриваются типичные виды продуктов, перевозимых между регионами, масштаб и режимы транспортировки, а также определение основных социальных функций продуктовых посылок. Через изучение технологии пищевых трансфертов предлагается исследование социокультурной специфики этой практики в контексте связи отправляющего и принимающего сообществ. Такая связь актуальна и значительна в первую очередь из-за самого характера миграции, ведь дагестанские мигранты, работая в Западной Сибири, нередко поддерживают активные, постоянные и глубокие связи с отправляющим сообществом, которые можно рассмотреть сквозь призму концепта транслокальности. Кроме этого, уделено внимание созданию мигрантских бизнесов на основе пищевых трансфертов по мигрантской сети, которые являются средством поддержания сильной и регулярной связи мигрантов с отправляющим сообществом, немигрантами и членами транслокальной семьи, оставшимися в отправляющем обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внутрироссийские миграции, Дагестан, Арктика, пищевые трансферты, транслокальность, пищевые практики

УДК 314.72+641/642

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200

КАПУСТИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА — к.и.н., заведующая отделом этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: parlel@mail.ru

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации»).

Трудовая миграция из Республики Дагестан в города Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа (далее в тексте — ХМАО и ЯНАО) — достаточно значимое социальное явление как для региона-донора, так и для региона-реципиента. С середины 1960-х и до конца 1980-х годов миграция являлась основным фактором прироста населения Западной Сибири. Выходцы из Кавказского региона, прежде всего из Азербайджана и Чечни, начали появляться здесь с самого начала освоения нефтегазовых богатств края: была необходимость в квалифицированных кадрах в сфере нефтяной промышленности, уже давно существующей в Грозном и Баку. Массовый приезд выходцев из Дагестана¹ начался с середины 1990-х годов, в последнее десятилетие это миграционное направление стало для жителей республики одним из популярных наряду со столицами и регионом ЮФО. Первоначально дагестанские мигранты ехали преимущественно в города ХМАО, однако с конца 1990-х годов появляется миграционное направление из Дагестана в ЯНАО. Преимущественно в эти регионы едут жители Северного Дагестана (кумыки, ногайцы, реже русские) и южных районов республики (в основном лезгины, южные даргинцы).

Точные цифры миграции из Дагестана сложно получить из статистических отчетов ввиду специфики учета внутрироссийской миграции: официальные цифры всегда занижены. Дагестанские земляческие организации ведут подсчеты своих земляков, приехавших в тот или иной город, руководствуясь своими нуждами, их оценки, на мой взгляд, более приближены к реальным цифрам, хотя также, вероятно, неточны. В итоге стоит говорить о приблизительном числе мигрантов из Дагестана в ХМАО и ЯНАО. Например, в Сургутском районе в 2011 г. лидеры дагестанских землячеств говорили о 40 тысячах проживающих дагестанцев (вместе с дагестанскими ногайцами), в Сургуте — более 10 тысяч, в г. Покачи только по официальной переписи лезгины, кумыки и даргинцы вместе составили 10 % населения города (из официальных 17 тыс. населения города). В Новом Уренгое на 2019 г. пребывало 4500 дагестанцев на 100 тыс. населения города (ПМА 2019).

Статья посвящена изучению специфики вариантов пищевых трансфертов между Дагестаном и городами ХМАО и ЯНАО в контексте транслокальной миграции между регионами. Под пищевыми трансфертами здесь имеются в виду передачи и посылки между Дагестаном и городами ХМАО и ЯНАО, а также циркуляция пищи в качестве товара по мигрантским социальным сетям. Дагестан и рассматриваемые в статье города ХМАО связывает трасса 3,5 тысяч км, с Новым Уренгоем — трасса 4,5 тысячи км. По ним передвигаются мигранты, а также товары и посылки, играющие заметную роль в организации мигрантской жизни. Будут описаны некоторые варианты пищевых трансфертов, а также проанализированы практики мигрантов, связанные с этими продуктовыми посылками в контексте влияния их на экономические стратегии дагестанцев в миграции и на характер социальных взаимодействий в рамках актуальных социальных сетей.

Материал для статьи собран в ходе полевых выездов, проводимых мною в городах ХМАО (Сургут, Пыть-Ях, Покачи) и ЯНАО (Новый Уренгой) в 2015–2019 гг., а также в Кайтагском, Хасавюртовском, Дербентском и некоторых других районах Дагестана (интервью и наблюдения). Полевая работа проходила как в отправляющем, так и в принимающем обществах, поэтому удалось наблюдать примеры и отправления посылок, и их получения, хранения и дистрибуции.

Теоретическая база статьи основывается на транснациональной концепции, получившей распространение в антропологии миграции с начала 1990-х годов. Антропологи Н. Глик Шиллер, Л. Баш и С. Зантон Бланк, одними из первых сформулировавшие ее постулаты, определяли транснационализм как социальный процесс, в котором мигранты развивают и поддерживают множественные формы отношений, пересекающие границы, и строят свои публичные идентичности при взаимодействии с более чем одним национальным государством (Glick Schiller 1992: ix). Для рассматриваемой в статье дагестанской внутрироссийской миграции актуальнее использовать по-

¹ Рассматривается миграция из Дагестана как явление республиканского масштаба, поэтому в статье нет акцентирования на этнической принадлежности мигрантов. В тех ситуациях, когда это значимо, этническая принадлежность информантов указывается.

нятие транслокальность. Это понятие рассматривается некоторыми авторами как частный случай транснациональной миграции, когда речь не идет о пересечении национальных границ. Другой фокус при определении этого термина предполагается именно на идее мобильности между локальностями вне контекста границ, в этом случае акцент ставится на проблемах мобильности, движения и потоков, например денежных переводов и товаров, а также символических — стилей, идей, символов (Greiner, Sakdapolrak 2013).

Миграция между Дагестаном и городами ХМАО и ЯНАО, по моему мнению, имеет все признаки транслокальности — постоянные перемещения мигрантов между Севером и Дагестаном, сохранение экономической, социальной и репутационной активности и в месте отправления, и в миграции, специфика самоидентификации (см. подробнее: Капустина 2019). В частности, трансмиграция подразумевает не только постоянное передвижение между локальностями самих людей, но и транслокальные транзакции разного рода, перемещение вещей. Более того, именно подобные перевозки, по мнению П. Левит, и обуславливают сравнительно легкий способ переезда мигранта в транслокальный режим жизни (Levitt 2001).

Работы, посвященные перемещению вещей в миграции, показывают, что пища (продукты, а также другие элементы для приготовления пищи) является самым распространенным видом обратной передачи, трансферта из отправляющего сообщества в принимающее (Mata-Codesal, Abranches 2018: 2). Исследователи высказывают разные объяснения популярности пищевых трансфертов, которые часто выходят за пределы сугубо экономических объяснений. В частности, упоминается роль пищи в установлении теплых личных контактов с оставшимися в родном сообществе родными — родителями, супругами, родственниками, другими близкими (Food parcels 2018: vii), особенно в условиях транслокальной семейной жизни. Помимо этого, значение имеет тема актуализации идентичности через потребление локальной пищи, т. е. в этом случае пищевые трансферты являются проводниками символической связи мигрантов с местом отправления (Mata-Codesal, Abranches 2018: 3).

Популярность именно пищевых трансфертов из отправляющего сообщества мигрантам подтверждает и мои полевые наблюдения на примере миграции из Дагестана в арктические и субарктические города Западной Сибири. Говоря о связях с малой родиной и о контактах с ней в миграции, информанты чаще всего упоминали о пересылке продуктов, которые они получают из республики. Примечательно, что пищевые трансферты движутся преимущественно именно из Дагестана в миграцию, а не наоборот, равно как и все посылки в целом (подробнее о непищевых трансфертах и других контактах между регионами см.: Капустина 2017).

Следует сделать пояснение о характеристике места миграции в контексте доступа к пищевым ресурсам. Стереотипический образ северного города, где переселенцы или кратковременные мигранты вынуждены терпеть лишения, связанные с тотальной бытовой неустроенностью и нерегулярными поставками самых необходимых вещей и особенно продуктов, для многих успешных арктических и субарктических городов, в первую очередь связанных с добычей нефти и газа, в настоящее время остался лишь в рассказах о начале освоения края или о разрухе 1990-х годов. Мои информанты, проживающие на Севере более десяти лет, к примеру, вспоминают те годы, когда проблемой становилось найти сколько-нибудь приличное по качеству мясо, а верхом мечтаний был замороженный цыпленок-бройлер.

В настоящее время обследованные мною города имеют крупные продовольственные магазины, куда круглогодично привозятся все виды продуктов, а цены на продукты не слишком сильно превышают цены в крупных городах Центральной России. Тем не менее для тех, кто мигрировал в эти города из Дагестана, регулярные пищевые трансферты с малой родины до сих пор остаются привычной и очень популярной практикой.

В экспедициях мне неоднократно приходилось видеть как отправку продуктов из Дагестана, так и получение посылок в Сургуте или Пыть-Яхе. Чаще всего посылки были довольно крупными и состояли из нескольких коробок, сумок, бутылок, баллонов (в зависимости от вида продукта).

Интервью также подтверждают тот факт, что между Дагестаном и городами ХМАО и ЯНАО по мигрантским каналам проходит достаточно интенсивный поток продуктов: некоторые информанты заявляли, что значительная часть продуктов на их столе привезена из республики.

Продукты часто привозят сами мигранты после возвращения с малой родины². В этом случае нередко люди и продукты едут разными путями. Еще десять лет назад авиаперелеты в ХМАО и ЯНАО были достаточно дорогими, большая часть мигрантов и их родных, отправлявшихся к ним в гости, пользовались наземным сообщением — личными автомобилями и автобусами, реже поездами. В последние годы с появлением недорогих авиарейсов между Дагестаном и Сургутом и Новым Уренгоем (прямых и через Москву) мигранты с семьями предпочитают летать самолетами, а багаж, в том числе все продуктовые посылки, отправлять автобусами (которые в этих условиях в значительной мере переориентировались на перевозку посылок) и грузовиками. Родственники, отправляющие посылки своим мигрантам, когда те уже на Севере, также используют эти наземные пути.

Некоторые грузовые машины специально оборудуются для перевозки скоропортящихся продуктов. Информанты упоминали о курсирующих между их родными селами и крупными городами в миграции «газелей» и более крупных грузовиков с холодильными установками — так односельчане среагировали на потребности мигрантов и превратили транспортировку продуктовых посылок в отдельный бизнес. Вообще, согласно полевым данным, нередко невозможно провести демаркационную линию между продуктовыми посылками для личных нужд мигрантов и транспортировкой пищевых продуктов для продажи на Севере. Информанты неоднократно рассказывали, что те, кто начинал перевозить продукты для родственников и друзей, затем стали заниматься перевозками продуктов как бизнесом либо, отправляя продукты родным, также набирали платные заказы на перевозку от односельчан.

По моим полевым данным, самым распространенным видом пищи, который перевозится из Дагестана в города ХМАО и ЯНАО, является мясо и мясные продукты. В основном речь идет о баранине и говядине. Многие информанты, живущие на Севере, отмечали, что употребляют в пищу преимущественно мясо, которое привезено из Дагестана, некоторые говорили, что фактически не покупают мясо в месте миграции и обходятся посылками с малой родины. Как уже было упомянуто выше, кому-то мясо присылают родные или же они сами организуют отправку его на Север во время поездок в Дагестан. Также его можно купить в северных городах у земляков, привозящих мясо из республики — у многих в списке контактов есть телефон такого поставщика. Поставщиков часто можно найти в окрестностях мечети, например у мечети Нового Уренгоя стоят газели перевозчиков. Примечательно, что расположенные ближе к месту миграции и даже халяльные бойни Тюменской области не нарушили потребность мигрантов в дагестанском мясе.

Есть именно из Дагестана, дагестанское мясо они привозят сюда. Вот возле мечети это все. Сейчас если выйдете — тут «газели» стоят. Или с мясом или с какими-то другими продуктами из Дагестана (ПМА 2019, Эльмира³, Новый Уренгой).

Мясо, привозимое большими порциями, хранят в замороженном виде. В домах информантов часто можно увидеть очень большие холодильники, а также большие морозильники — это характерный атрибут дома дагестанского мигранта на Севере. В Новом Уренгое, помимо гигантских холодильников и отдельных морозильных шкафов, распространена и «советская» схема хранения — в пакетах и достаточно больших сумках, вывешенных за окно (следует отметить, что такие практики не говорят о бедности семьи и применяются там, где есть холодильники). Подобным образом хранится прежде всего мясо. Одна информантка рассказала о родственнике, у которого

² Каждая семья старается по крайней мере раз в год побывать в Дагестане, если не в полном составе, то хотя бы частично, как правило, это женщины с детьми, выезжающие на лето, и мужчины, приезжающие в республику оккационально.

³ Здесь и далее имена информантов изменены.

было две машины марки «Лада Приора»⁴: на одной он передвигался по городу, а другая стояла во дворе и ее багажник был полностью забит мясом — это также аналог морозильника в зимних условиях Севера (правда, иногда хозяин выезжал по делам и на ней при очень низких температурах).

Как правило, много баранины и говядины везут в западносибирские города в зимний период, после осеннего забоя в Дагестане, тем более что зимой его проще довести в условиях низких температур. К тому же многие потенциальные покупатели — транслокальные мигранты — уезжают в Дагестан в летний период и, следовательно, в мясе не нуждаются. Мясо возят не только свежее, но и сушеное — знаменитый дагестанский горный деликатес. Сушеные куски говядины и самодельную горскую колбасу распространяют исключительно по родственным сетям — этот специфический продукт пока сложно реализовать за пределами дагестанского сообщества, где, однако, он приобретает статус «продукта с родины». При этом на Севере он нередко меняет свое назначение: из элемента основного блюда, хинкала, сушеное мясо превращается в закуску к пиву — об этом упоминают некоторые информанты.

Для того чтобы представить масштабы перевозки мяса из Дагестана на Север, стоит привести пример одной кумыкской семьи, живущей в Новом Уренгое. Мадина в интервью рассказала, что недавно ей из родного селения мать прислала 37 кг говядины. Этого количества ее семье, состоящей из двух человек — мужа и жены, не хватило даже на 1 месяц (в семье нет детей, однако в тот месяц с ними в квартире проживали еще два брата — ее и мужа). Столько мяса, по ее словам, ушло из-за постоянных гостей в доме — родственников и земляков, а также сослуживцев мужа. Здесь следует учитывать и специфику кухни народов Дагестана, которой практически всегда отдают предпочтение мигранты. Основные блюда здесь всегда или почти всегда предполагают наличие мяса — это прежде всего хинкал, курзе, пироги чуду и другие блюда.

Помимо мяса, дагестанцы везут на Север и другие продовольственные товары, производство которых связано с Дагестаном: птицу (домашнюю, как правило, не на продажу, а для себя или родственников). Из сел, занимающихся рыбой (северные районы Дагестана), присылают рыбные партии (Ермолин 2015: 100).

Специалитеты — локальные деликатесы и ингредиенты для традиционных блюд, — один из самых распространенных видов товаров, которые везут трансмигранты (Peleikis 2003: 92). О перевозке сушеного мяса и горской колбасы было упомянуто выше. Другие типичные дагестанские деликатесы также привозятся в северные города. Самый популярный продукт — домашний сыр, который, помимо непосредственного употребления в пищу, часто используется в приготовлении популярных блюд дагестанской кухни. Сыр перевозят в рассоле, разрезав головки на мелкие куски — в 5–10-литровых пластиковых бутылках. Помимо этого, из перевозимых из Дагестана продуктов информанты упоминали урбеч (паста, традиционно изготавливаемая из льна или абрикосовых косточек), варенье и другие домашние заготовки, сушеные травы, кукурузную муку, орехи и т.п. Некоторые информанты привозят из Дагестана ягоды — клубнику, малину. В этом случае ягоды сильно замораживают и в таком виде транспортируют до городов Севера.

(Продукты) из дома привозим. ...Большинство вещей из дома. Сыр, там, пшеничная мука, кукурузная мука... Ну, обычную муку здесь покупаем, а то, что дома готовится, вот это, толокно имеется в виду, толокно, там, кукурузную муку, сыр, именно вот в бидонах нам готовый отправляет свекровь (ПМА 2019, Газиахмед, Новый Уренгой).

Здесь, разумеется, наблюдается сезонность: весной трансмигранты везут (или им шлют посылки родственники из Дагестана) первую траву для приготовления традиционных пирогов

⁴ Лада Приора — чрезвычайно популярная автомобильная марка в Дагестане, ставшая юмористической визитной карточкой республики, что нашло отражение в современном фольклоре.

чуду — черемшу и дикий лук, летом и осенью — фрукты, овощи, ягоды, осенью и зимой — мясо после забоя скота.

Продукты движутся преимущественно из Дагестана на Север, но есть и исключения. Это прежде всего рыба сибирских рек (к примеру, муксун), а также оленина. Рыбу отправляют либо в сушеном, либо в замороженном виде. В последнем случае, как правило, пересылку устраивают в зимний период, поскольку далеко не всегда даже оборудованные холодильными установками грузовики включают «холодильники», выезжая с Севера в Дагестан. Дело в том, что объем привозимого из республики мяса многократно больше, чем объем вывозимой рыбы, поэтому работа холодильных установок не всегда окупается.

Помимо рыбы и оленины «с севера на юг», по словам моих информантов, перевозят еду для людей с ограничениями в питании, например детское питание для аллергиков и недоношенных: в Дагестане подобные продукты до недавнего времени найти было сложнее, а стоимость была завышена в несколько раз. В целом, согласно моим полевым данным, наименование и объемы продуктов, отправляемых из городов ХМАО и ЯНАО в Дагестан многократно меньше, чем обратно.

Интересен сам путь продуктов из Дагестана на Север. Как правило, это наземные перевозки — автобусами или грузовыми машинами (газелями и грузовиками среднего тоннажа). Продукты можно послать «с человеком» — тем, кто едет по этому маршруту, а можно просто организовать посылку, передав ее водителю. Стоимость перевозки одной коробки в 2016 г., к примеру, была в среднем 1000 рублей (за стандарт принималась коробка из-под бананов). С появлением бюджетных рейсов между Махачкалой и Сургутом мигранты, сами путешествуя самолетом, свои грузы часто отправляют в виде посылок. Некоторые водители газелей и трейлеров возят грузы исключительно между Севером и «землей». Зачастую каждый сельский населенный пункт республики, где значительное число жителей участвует в миграции, организует рейсы в места миграции, актуальные для этого селения. Помимо этого, жители сел пользуются и общими рейсами из дагестанских городов.

Далее на примере мясных перевозок как самых типичных внимание будет уделено развитию торговли на базе пищевых трансфертов. Как писал Л. Прис, стоит мигрантскому потоку достигнуть критического уровня, простой вопрос о питании и культурном досуге в месте миграции достаточен для создания новых возможностей заработка (Pries 1999).

Многие мигранты, не найдя подходящей работы в северных городах, стараются использовать связь с Дагестаном как ресурс для своего бизнеса. Например, так утрачивает эксклюзивно мигрантскую направленность мясной бизнес. Первоначально основными потребителями мяса были земляки-мигранты, затем торговцы вышли за пределы сети родственников и земляков, и мясо стали покупать их коллеги, соседи, порой это окончательно оформляется как типичный торговый бизнес.

Подобным образом мясом занялись и некоторые мои информанты. Один из них долго пытался найти достойное занятие в миграции, перепробовал много вариантов, пока не пришел к торговле мясом. Однако, начав дело именно с поставок мяса с малой родины, часть предпринимателей затем отошли от этой практики, стали возить товар из других мест. Например, мой информант вначале привозил мясо из Дагестана, но в живом виде везти скот ему было невыгодно: за время транспортировки скот много теряет в весе, а охлажденное мясо не приносит такого дохода, как парное. В итоге он переориентировался на бойни других регионов, расположенных ближе к ХМАО.

Торговля мясом — классический пример именно транслокального бизнеса: нередко семья занимается этим делом, имея своих представителей и в дагестанском селе, и в северном городе, одни выращивают скот или перекупают у соседей, другие везут на Север и продают.

Соб.: А много таких семей, у которых получается полсемьи там, полсемьи здесь и бизнес связан именно с тем, что туда-сюда?

Тимур: *Таких много. Именно таких, которые мясом занимаются, они сами не возят, вот за машины заплатили или есть у кого-то своя машина, водителя посадили и один брат здесь, другой там, например тот там животноводством занимается, этот здесь торговлей* (ПМА 2015, Тимур, Сургут).

Мясной бизнес производится не только по сетям, но и в торговых точках. Например, на сургутском рынке «Дружба» в 2014 г. можно было встретить павильоны дагестанцев (преимущественно ногайцев), занимающихся торговлей мясом из республики. Объем привозимого на рынок был значителен — мясо транспортировали фурами. При этом земляки договаривались между собой об очередности привоза. К примеру, в начале месяца фуру привозит один, а в середине месяца — другой, чтобы не создавать друг другу конкуренцию (похожий принцип можно наблюдать в некоторых селах Дагестана, где сильна роль сельской общины, например в с. Гагатли Ботлихского района жители вывозят туши на продажу в Махачкалу согласно установившемуся графику, чтобы не быть друг для друга конкурентами). Занимаются торговлей мясом и другие дагестанцы, преимущественно из северных районов республики, например в Новом Уренгое мясо, помимо ногайцев, также привозят кумыки из Бабаюртовского района.

Таким образом, на примере транспортировки мяса можно увидеть, что пищевые трансферты, помимо прочего, могут быть стимулом к развитию мигрантского бизнеса. Нередко подобные активности мигрантов исследователи описывают в терминах «этническая экономика» (Light, Karageorgis 1994; Portes 1990; Waldinger 1986 и др.), подразумевая под этим термином, как, например, в работе И. Лайта и С. Карагеоргиса, прежде всего характер занятости иммигрантов в принимающем обществе, их самостоятельное решение проблемы обеспечения себя средствами к существованию (Light, Karageorgis 1994), или «неформальная экономика», которая нередко сопрягается с первой (Портес 2003). А. Портес подчеркивал, что неформальные экономические практики (неформальная экономика) часто являются выбором мигрантов, которые попадают в условия дискриминации в принимающем обществе и не имеют доступа к официальным формам заработка (Портес 2003). Дискриминацией мигрантов в принимающем обществе основоположники концепции транснационализма Н. Глик Шиллер, Л. Баш и С. Зантон Бланк также объясняют выбор мигрантами транснациональной стратегии жизни (Glick Shiller et al. 1999). Эти замечания подтверждаются и моими полевыми данными: в мясной бизнес и в целом в бизнес, связанный с перевозками между отправляющим и принимающим обществами, часто идут те, кто либо не смог найти другую работу в миграции, либо она оказалась недостаточно прибыльной.

В основном, несмотря на то что пищевые посылки и торговля продуктами по мигрантским сетям ориентированы на нужды самих потребителей-мигрантов, не стоит недооценивать влияние подобных трансфертов для развития отправляющего и принимающего регионов. По мнению Л. Э. Гуарницо, трансферты между несколькими точками локальностей трансмигрантов не только вносят вклад в развитие отправляющего сообщества (денежные переводы на родину), но и развивают экономику в целом (Guarnizo 2003: 667–668).

При изучении миграций в социальных науках на трудовую миграцию уже давно не смотрят через призму только лишь ее экономической целесообразности. Например, согласно новой *экономической теории миграции* О. Старка и его коллег, считавших решение о миграции прерогативой не индивидов, а более домохозяйств или родственных групп, был выдвинут тезис, что люди действуют совместно не для того чтобы увеличить выгоду от миграции, а для того чтобы минимизировать риски в случае неудач (Stark 1991; Massey et al. 2005). В рамках теории миграционных сетей мигранты и немигранты связаны вместе в комплексной сети социальных ролей и межличностных взаимоотношений (Massey et al. 2005; Boyd 1989: 639). В этом контексте поддержка мигранта продуктовыми посылками может рассматриваться как установление отношений реципрокности, которые могут принести дивиденды в будущем. Так, А. Ярлыкапов, описывая миграцию ногайцев на Север, приводит пример влияния заработков мигрантов на благосостояние

оставшихся в селении родственников. «Даже если какая-то часть не имеющей работу молодежи, людей среднего возраста не мигрирует на Север, они все-таки получают возможность более или менее достойного существования, поскольку родственники, находящиеся на Севере, активно помогают им. Вообще значительная доля заработанных на Севере денег пересылается на родину для поддержки многочисленной родни» (Ярлыкапов 2008: 81).

В этом контексте предлагается рассмотреть и практику пищевых трансфертов как возможного способа изменить диспропорцию принципа реципрокности. Важно отметить, что при получении мигрантами, в семьях которых проводились наблюдения, посылок от близких родственников (как правило, родителей, тетей и дядей, братьев и сестер), получатели чаще всего не оплачивали ни пересылку, ни стоимость пересылаемых продуктов. Учитывая описываемый ранее масштаб продуктовых посылок, можно заметить, что из отправляющего общества мигрантам пересылаются продукты на достаточно крупные суммы денег. Учитывая показанную особенность пищевых трансфертов, согласно которой подавляющее большинство продуктов движется из Дагестана на Север, можно предположить, что таким образом реципиенты денежных переводов восстанавливают баланс реципрокности. Те же оставшиеся в республике родственники, кто посылает мигрантам продукты, но напрямую не получают деньги от мигрантов, имеют возможность претендовать на ресурсы мигрантов в будущем (например, прислать сына на Север в поисках работы, на учебу и т.д.). Обобщая последний тезис, можно отметить, что, помимо поддержания принципа реципрокности, через продуктовые посылки происходит поддержание и формирование/сохранение актуальных социальных сетей в локальном сообществе.

Помимо этого, в условиях длительной миграции именно посылки с продуктами становятся поводом сколько-нибудь регулярного материального взаимодействия между членами семьи, например это возможность для родителей проявить заботу и внимание по отношению к уехавшим детям. Рассматривая миграцию как проект не индивида, а его семьи и близкого круга родственников, его поддержка родителями и другими ближайшими родственниками становится необходимой инвестицией домохозяйства в общий миграционный проект и часто делает семью транслокальной. Этот аспект темы лишь упоминается в статье и нуждается в дальнейшей разработке.

В заключение следует сделать некоторые предварительные выводы об особенностях пищевых трансфертов и их социальных функциях для мигрантов и их семей.

Значимый процент пищевых трансфертов составляют мясо и мясные продукты, а также локальные специалитеты и сезонные овощи, используемые в местной кухне. Подавляющее число продуктов движется с юга на Север, т. е. из отправляющего сообщества в место миграции. Перевозимые продукты могут менять не только локальность, но и «биографию» (Appadurai 1996; Корутофф 1996), приобретая новый статус. Так, сушеное мясо становится закуской к пиву и символом родины.

Перевозки некоторых продуктов зависят от времени года прежде всего в силу сезонности производства продуктов (осенний забой скота, сезонные овощи и фрукты и т.д.) или особенностей транспортировки (например, легче и дешевле организовать транспортировку мяса и рыбы зимой). Помимо этого, на сезонность влияет и режим миграции членов сообщества, будь то временные работы или планы на отпуск длительно живущих в регионе мигрантов.

В случае с мигрантами из Дагестана, живущими в городах ХМАО и ЯНАО, можно говорить о перемещении еды как в контексте транслокального потребления, так и в контексте экономической стратегии. При этом потребление и бизнес часто пересекаются. Перевозка продуктов предоставляет нуждающимся мигрантам и членам их семей рабочие места и меняет занятость мигрантов. В итоге развивается бизнес, ориентированный прежде всего на потребление внутри мигрантского сообщества, но также нередко выходящий за его рамки и превращающийся в обычный городской. Таким образом, подобные бизнесы начинают развивать и экономику принимающего региона, формируя новые экономические запросы.

Исследование продовольственных посылок является значимым для понимания специфики поддержания и воспроизведения личных и общественных связей через пространства в условиях миграции. В этом случае интенсивность и масштабы пищевых трансфертов между родственными группами в рассматриваемом примере миграции следует учитывать при изучении характера взаимодействия трансмигрантов с оставшимися в Дагестане родными. В частности, миграцию стоит рассматривать не как чисто экономическую меру, линейно направленную только на увеличение доходов семьи, но скорее как на сложную систему, где стоит учитывать также варианты реципрокности между мигрантами и немигрантами, а также стратегии мигрантской сети.

Торговля пищевыми продуктами с земли, перевозки — это не только возможности для функционирования транслокального социального пространства, но и дополнительный стимул для мигрантов быть именно трансмигрантами и в прямом смысле жить между двумя территориями, как в географическом, так и в социальном плане.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА — Полевые материалы автора, собранные в Сургуте, Пыть-Яхе, Покачи (ХМАО), Новом Уренгое (ЯНАО) и Хасавюртовском, Кайтагском, Дербентском районах Республики Дагестан в 2014, 2015, 2018, 2019 гг.
- Ермолин И. В. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Влияние северной миграции на жизненные стратегии молодежи Северного Кавказа». М., 2015 (рукопись).
- Капустина Е. Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 26–34.
- Капустина Е. Л. “The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan’s translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation” // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 1. С. 103–118.
- Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-ekonomika-i-ee-paradoksy> (дата обращения: 18.04.2020).
- Ярлыкотов А. А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 78–81.
- Appadurai A. Introduction: commodities and the politics of value // The social life of things. Cambridge, 1996. P. 3–64.
- Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23, no. 3. P. 638–670.
- Dietz A. Dimensions of Belonging and Migrants by Choice: Contemporary Movements Between Italy and Northern Ireland. Waxmann, 2011.
- Food Parcels in International Migration. Intimate Connections. Edited by Diana Mata-Codesal, Maria Abranches. Cham, 2018.
- Glick Schiller N., Basch L. G., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. New York, 1992.
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. Jan., 1995. Vol. 68, no. 1. P. 48–63.
- Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives // Geography Compass. 2013. No. 7 (5). P. 373–384.
- Guarnizo L. E. The Economics of Transnational Living // The International Migration Review. 2003. Vol. 37, no. 3. P. 666–699.
- Kopytoff Y. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things. Cambridge, 1996. P. 64–95.
- Levitt P. Transnational Villagers. Berkeley, 2001.
- Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // N. Smelser, R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994. P. 646–671.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford, 2005.
- Mata-Codesal D., Abranches M. Sending, Bringing, Consuming and Researching Food Parcels // Food Parcels in International Migration. Intimate Connections. Edited by Diana Mata-Codesal, Maria Abranches. Cham, 2018. P. 1–21.

- Peleikis A.* Leanese in Motion. Gender and the Making of a Translocal Village. Wetzlar, 2003.
- Pries L.* New Migration in Transnational Space // Migration and Transnational Social Spaces / Ed. by L. Pries. Aldershot, 1999.
- Portes A.* (ed.) The Economic Sociology of Immigration. Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship. Russel Sage Foundation. New York, 1982.
- Stark O.* The Migration of Labor. Cambridge, Oxford, 1991.
- Waldinger R.* Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation // Theory and Society. 1986. Vol. 15, no. 1/2. P. 249–285.

FOOD TRANSFERS IN THE CONTEXT OF TRANSLOCAL MIGRATION FROM DAGESTAN TO WESTERN SIBERIA

ABSTRACT. The article aims to study the system of food transfers between migrants from Dagestan working in the Arctic and Subarctic oil and gas regions of Western Siberia (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Khanty-Mansi Autonomous Okrug), and their sending community (villages and cities of the Republic of Dagestan). This study continues the author's research of various aspects of migration between Dagestan and Western Siberia. In the article, the author focuses on the food practices of migrants from Dagestan in the context of the connections between the sending and receiving societies. This relationship is relevant and significant, primarily due to the nature of the migration: Dagestan migrants working in Western Siberia often maintain active, constant and deep ties with the sending community, and therefore their migration can be described as translocal. The author identifies major types of products moving between the regions under consideration and the seasonality and specifics of their transportation. She also addresses migrant businesses based on food transfers through the migrant network. Transfers are a means of supporting and regular communication of migrants with sending communities, non-migrants and a translocal family remaining in the sending society. Food transportation can be one of the ways to preserve a trans-migrant lifestyle.

KEY WORDS: migrations within Russia, Dagestan, Arctic, food parcels, translocality, food practices

EKATERINA L. KAPUSTINA — PhD in Anthropology, Head of Department of Ethnography of the Caucasus, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: parlel@mail.ru